

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы Д А Н И Л О В О Й

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный пик
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Пириана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым

Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная прищесса
Призрак Моиро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Кoko Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джеклин
Звезды-свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За спиной — двери в ад
Тайная любовь Коннерфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Познакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья

Прекрасный возраст, чтобы умереть
Приговорешный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленица чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Минусь для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь — прости

АННА ДАНИЛОВА

Когда жить невмоготу, спасает мудрость старого романа

Если можешь – прости

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Если можешь — прости : роман / Анна Данилова. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Эффект
мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-699-89908-1

Одно дело — мечтать отомстить обидчику, совсем другое — решиться на реальное убийство. Что происходит с человеком в ту минуту, когда он выносит приговор ближнему? Какой механизм мы запускаем в собственной душе, назначая себя палачом? Виолетта слишком молода, чтобы довериться чужой мудрости, поэтому на все вопросы она будет искать ответ самостоятельно. Чтобы вывести точную формулу оскорбленного сердца, она окружит себя людьми страдающими, алчными, завистливыми и самоотверженными — каждый из них в ее маленьком вымышленном театре готов стать и жертвой, и преступником...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дубчак А.В., 2016
ISBN 978-5-699-89908-1 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1. Виолетта

Осеннее, еще теплое солнце заглянуло во внутренний двор моего дома на Цветном бульваре и поселилось в моем сердце.

Всего полчаса прошло с той минуты, как легкий ветерок взъерошил густые темные волосы парня, забежавшего в это богом забытое место, в этот темный двор, забитый мусорными баками и поваленными деревьями с мертвой золотой листвой. Полчаса как он не знает, что стало с его спортивной сумкой, которую он бросил как раз за эти самые баки. Не знает он и того, что все это я совершенно случайно увидела, наблюдая из окна своей комнаты за проплывающими по небу облаками.

Второй этаж — не так высоко. Во всяком случае, я сумела разглядеть его белоснежную рубашку с распахнутым воротником и черную кожаную куртку. А еще лицо. Лицо не отражало ни одну из известных мне эмоций. Разве что полное равнодушие. Длинные ноги в узких синих джинсах унесли парня вон со двора, и снова стало тихо.

Не помню, как я оказалась возле мусорных баков. Сердце колотилось, а руки выуживали из вонючей

темной дыры большую спортивную сумку и холодный влажный пистолет.

И вот я снова в своей комнате. Думаю, мое сердце все-таки выпрыгнуло из груди через горло и осталось где-то там, на золотых осенних листьях, которые мягким ковром устлали двор.

Может, кто-то, наблюдающий, как и я, за облаками из окна своей квартиры, увидит его, подберет и оставит себе. Так, на всякий случай, может, пригодится...

Но меня это уже не волновало. На столе моей комнаты лежал пистолет, а на полу — раскрытая сумка с кучей денег. Волшебные дары судьбы, посланные за все те страдания, что мне пришлось пережить за последний год: смерть матери под колесами джипа, тяжелый разговор с ее последним мужем, на которого она оформила нашу квартиру. Ту самую квартиру, в которой я сейчас стою, глядя на аккуратненькие пачки евро.

«Живи, детка, я скоро вернусь, мы продадим квартиру и поделим денежки», — сказал Жорик, скаля свои новенькие зубы, оплаченные в дорогой клинике моей матерью. Редкостной дурой, всю жизнь положившей на то, чтобы содержать мужиков.

Моя мать — породистая талантливая мошенница, которой природа по ошибке вложила в череп настоящий компьютер, способный делать деньги из воздуха. Тысячи афер, сделок, делишек заставляли денежные ветра дуть прямо матери в карман. Другое дело, что она не умела этими деньгами распоряжаться. Как легко они к ней приходили, так и уходили, улетали, перемещались в сейфы подпольных казино,

где играли ее любовники, в кошельки молоденьких любовниц маминых любовников.

«Масло с колбасой в холодильнике, сахар и хлеб купишь по дороге. А я пошла, у меня дела». «Прибери, закинь в стиральную машинку джинсы Жорика и не забудь о носках. Суп в холодильнике, а я поехала, у меня встреча...»

Был бы жив отец, она, возможно, прожила бы свою жизнь иначе. Но отца пристрелили при задержании, как опасного преступника, убийцу.

Мне было семь лет, когда это случилось. Мать целый год ходила в черном, полюбила коньяк с яблоками и крепкий многочасовой сон. На мои вопросы, за что папа убивал людей, она только отмахивалась, бормоча сонно: «Не все люди хорошие, Веточка. Иных и пристрелить не жалко».

Это потом я узнала, что мой отец, которому менты дали прозвище Мясник, был жестоким человеком, наемным убийцей, одним из самых дорогих профессиональных киллеров Москвы. Вот только как он распорядился своими деньгами, мы с мамой так никогда и не узнали. Хотя мать могла от меня это скрыть.

Вета, Веточка — так звали меня родители и бабушка. Бабушка так зовет до сих пор. Она живет в Подмосковье, на нашей даче, обосновалась там окончательно, заперла себя в уютном доме в хвойном лесу и счастлива. По паспорту я Виолетта Николаевна Мясникова. Виолеттой меня назвала, понятное дело, мать, большая любительница оперы. Единственной оперы, «Травиаты», мелодии из которой она

то и дело насвистывала, готовя кофе по утрам или намыливаясь под душем. Отсюда и Виолетта. Понимала ли она, что не столько награждает меня редким именем, сколько кодирует меня, закладывает в судьбу ноты грустной жизненной партии французской куртизанки? Конечно, нет.

Но все равно я не в обиде на мать. Она, конечно, дура, оставила меня без собственного жилья, но так-то она всегда присматривала за мной, покупала мне красивую одежду, следила, чтобы я чистила зубы, мыла уши и ноги, оплачивала все мои увлечения (танцы, живопись, игру на гитаре и еще кое-что по мелочи), кормила меня и доверяла бесконечно, предоставляя максимум свободы.

По-хорошему, ее бы за все ее делишки посадить лет этак на пятнадцать, тогда всем было бы хорошо, особенно нам с бабушкой. Но ей фатально везло. Ее везение промахнулось всего один раз, когда ее сбил джип. До сих пор, кстати говоря, так и не нашли этого веселого водилу.

Вернувшись с чужими деньгами и оружием домой, я задернула шторы и дальше наблюдала за двором в бархатную щель. Это удивительно, что я так быстро справилась и успела нырнуть за мусорные баки буквально за несколько минут до того, как во дворе появилась полицейская машина. Резко затормозив, она встала как раз напротив моего подъезда. Из нее вышли трое, стали обыскивать двор, потом вернулись в машину и уехали.

Двор опустел, а передо мной все еще стоял этот парень. Высокий, черноволосый, с каменным лицом-

маской. Это какую же нужно было прожить жизнь, как разочароваться в ней, чтобы смешную мальчишескую мордашку, доставшуюся ему при рождении, так перекосило, вытянуло и превратило в лицо убийцы. Да, вспомнила, у кого еще видела такое же непропищаемое лицо, такие холодные глаза. У моего отца. Правда, он был блондином с зелеными глазами. Мои зеленые глаза достались мне по наследству. Думаю, что и моя кровь, густая смесь мощных ДНК моих преступников-родителей, тоже несет вполне определенную информацию. С этим сознанием и живу.

Я понимала, что любителей постоять-покурить у окна в нашем доме предостаточно — полно пенсионеров, которым просто некуда девать время, и они целыми днями гоняют чаи на кухне. Да мало ли кто мог задержаться у окна в тот момент, когда обладатель холодных глаз избавлялся от тяжелой денежной ноши. А это означает, что могли заметить и меня, эту самую ношу прибравшую!

Через несколько минут, когда стало очевидно, что я похитила чужие деньги и оружие, мне уже ничего другого не оставалось, как выбраться с этой сумкой через чердачную лестницу на крышу, добежать до единственного распахнутого в этот день люка третьего подъезда, спуститься вниз, выбежать со двора и броситься бежать по Цветному бульвару вдогонку самой осени...

Пахнувшая типографской краской газета объявлений не могла решить мой острый квартирный вопрос. Я отлично знала, как надувают жаждающих снять квартиру московские квартирные мошенники. Великое множество однодневных офисов псев-

дориелторских контор продают доверчивым людям списки с липовыми адресами совсем даже не пустых квартир.

А ведь мне надо было где-то скрыться.

Понятное дело, что я не в лесу жила, у меня были подруги, знакомые, но мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, где я скрываюсь. Ведь круг моих знакомых легко просчитать. По этой же причине я не могла отправиться к бабушке в Ключниково, хотя этого мне хотелось больше всего. Вот ей-то я как раз могла бы все рассказать без утайки. Еще и не такие истории она проглатывала на своем веку. Моя бабушка — черный ящик, который невозможно отпереть.

А еще она добрая, умная и печет отменные пирожки с яблоками. Еще вяжет пуховые шали, носки и варежки.

Я позвонила ей, сказала, что мне нужна квартира. Она выслушала меня и, не задавая вопросов, сразу же назвала адрес.

— Веточка, ключ найдешь под ковриком. Удачи тебе, детка.

Волшебница. Вот все люди были бы такими — понятливыми, не любопытными, способными любить, как она. Ольга Михайловна Берглунд, фамилия по второму мужу, потомку переселенцев из Швеции. Уж не знаю почему, но моим родителям в их нечистых делах она помогала всегда.

Крапивенский переулок, куда отправила меня моя Ольга Михайловна, находился в уютном уголке между Петровским бульваром и самой Петровкой.

Вот как раз рядом с Высокопетровским монастырем, в старом, забытом всеми, в том числе далеко не бедным подворьем по соседству, дворе. В древнем, чудом сохранившемся доме грязного красного кирпича на третьем этаже и находилась тихая квартира — мое убежище на неопределенное время.

Высокие потолки, желтые в жирных пятнах обои, почерневший паркет, вытертые диваны и кресла, огромная кухня со старым буфетом, наполненным фрагментами старинных сервизов, глубокая ванна с уже оранжевой от времени эмалью. Самое то для преступниц вроде меня. Оказавшись там и провернув с громким щелканьем ключ, я заперлась, смутно представляя себе свое дальнейшее существование.

Зато я была в полной безопасности.

Устроившись на пахнущем старьем красном одеяле, я высыпала из сумки пачки денег и принялась пересчитывать. Подсчет занял несколько минут — все пачки были в банковских упаковках, каждая пятидесятирублевыми купюрами по пятьдесят тысяч евро каждая. Пачек было сто двадцать, значит, за несколько минут безумного марш-броска к помойным бакам и обратно я присвоила себе, страшно сказать, шесть миллионов евро!

Сиреневые пачки согревали мне душу и перехватывали дыхание. Очень странное это было чувство. Я шелестела купюрами, трогала их, обнюхивала, пытаясь понять, настоящие ли они, но все равно ничего не понимала. Но выглядели они солидно, ах как солидно. Как настоящие. Но проверить их мне будет трудно, очень трудно. Возможно, номера банкнот (они наверняка украденные) записаны. Да и сама

купюра в пятьсот евро в руках девчонки, какой я себя видела со стороны, могла бы вызвать подозрение.

Ладно, подумала я тогда, как-нибудь разберусь. Уж найду способ разменять их или превратить во что-нибудь безопасное.

Теперь пистолет. Вроде бы тоже настоящий. Очень тяжелый и невероятно холодный. Возможно, он даже был заряжен.

Достав из рюкзака, с которым я никогда не расставалась (оранжевый с зелеными вязаными вставками, еще и украшенный целой коллекцией мини-атюрных плюшевых мишек и щенков с котятами), планшет, я первым делом заинтересовалась криминальными сводками.

Неподалеку от Трубной площади, на Цветном бульваре среди бела дня неизвестный человек разбил стекло новенькой желтой «Ламборджини Gallard», припаркованной неподалеку от офиса какой-то финансовой компании, и похитил спортивную сумку с несколькими миллионами евро. Владелец «Ламборджини» депутат Ч. утверждает, что эти деньги предназначались для его избирательной кампании. К вечеру появилась новая информация: деньги были похищены из скромной «Лады», припаркованной неподалеку от кондитерской в районе цирка на Цветном бульваре, а принадлежали они одной из московских преступных группировок. Читая эти странные и смешные сводки, я даже представляла себе мокрого от пота и страха молоденького журналиста, щелкающего пальцами по клавиатуре под прицелом направленного на него пистолета... Вернее, разных

пистолетов, направляемых на него по очереди причастными к этой истории опасными людьми. Отсюда и множество версий, предположений. Причем все какие-то мутные, странные, почти фантастические — ни одной не хотелось верить.

Однако было в этих сводках одно общее. Имя похитителя — Лука Заречный. Очень красивые имя и фамилия, и я сразу же представила себе стоящего на берегу реки Робин Гуда с луком в руке.

На самом деле Робин Гуд был без лука, а с пистолетом. И выглядел он более круто, чем шотландский средневековый стрелок-правдолюбец.

Если бы меня попросили составить его фоторобот, я бы без труда сделала это. Красавчик-бандит в белой рубашке, черной кожаной куртке и синих джинсах все еще стоял передо мной. Закрыв глаза, я мысленно увеличивала его портрет, словно нажимая на невидимую кнопку зума. Еще немного, и я услышу запах его одеколона!

Лука Заречный, если верить интернету, находился в розыске за разбой и убийство с конца 2012 года. Подробностей его криминальной биографии я так и не нашла и подумала еще тогда, что, скорее всего, не так-то все просто. Вполне вероятно, что отсутствие этих самых подробностей является результатом работы служб безопасности людей, на которых он работает. А что это за люди, из каких структур, — меня и вовсе не должно было интересовать. Эти люди повсюду, мчатся мимо тебя в дорогих машинах с тонированными стеклами и исчезают, растворяются в своей темной, замешанной на крови жизни.

Я понимала, что украла их деньги и что Лука — последнее звено какой-то хорошо подготовленной операции (наркотики, продажа оружия, политика). Где-то в цепи запланированных событий произошел сбой, в результате чего эти деньги нужно было перепрятать, инсценировав ограбление машины. А может быть, храбрый Лука, выследив машину, нафаршированную шестью миллионами евро, решил ее грабнуть, но его заметили и бросились за ним в погоню. Это могли быть настоящие полицейские, те, которых я видела из окна, а могли быть переодетые преступники, которых я приняла за полицейских. Они гнались за Лукой, это факт. И, надеюсь, потеряли его из виду. Иначе интернет пестрел бы совершенно другими сводками...

Неуловимый Лука занимал меня весь вечер. Если мои соседи доложили ему или его людям, кто взял сумку с деньгами, значит, он ищет меня. Когда найдет, в лучшем случае потребует сумку, а в худшем — просто отберет ее, а меня пристрелит. Или же сумку ищут те, у кого он ее украл. Как бы там ни было, мне вообще опасно высовываться из дома.

Но и сидеть до посинения я тоже не могла. Мне нужно было купить еду.

Прошло всего несколько часов с тех пор, как я поселилась в Крапивенском переулке, и я надеялась, что за мной еще не следили. Иначе бы нашли.

Я очень боялась, что они, мои преследователи, поедут к бабушке в Ключниково. Но, с другой стороны, мало кто из моих знакомых знает, где она живет. Отыскать меня у бабушки было бы в любом слу-

чае делом непростым. Да и бессмысленным. Какой человек, украв такую сумму, будет прятаться там, где его легче всего найти?

Я все-таки вышла из дома и долго шла куда глаза глядят в надежде найти какой-нибудь продуктовый магазин. Поначалу-то мне и есть не хотелось, нервы были на пределе. А вот ближе к вечеру денежки в сумке зашелестели: иди, купи себе хотя бы хлеба с колбасой!

Я взглянула на себя в тусклое зеркало в прихожей. Показалось, что из прошлого этой квартиры на меня посмотрела застрявшая между старинными годами (когда лягушки были господами) перепуганная насмерть девчонка с большими глазами. Я помахала ей рукой и вышла из дома.

2. Таисия

Таисия Китаева открыла глаза, потому что была жива. А живой человек не должен так долго лежать с закрытыми глазами, если, конечно, он не спит.

Гримерная плыла перед ней цветной желто-красной картинкой. Это были слезы, это была горечь, это была невысказанная боль.

Во рту оставался солоноватый железистый привкус крови. Ей сорок один год, и ее изнасиловали в собственной гримерке.

Вот уже два года, как Таисия Китаева сменила профессию преподавателя французского языка и литературы, став певицей ночного кабаре «Префепранс». Заведение было частным, тайным, дорогим, уникальным. Поначалу оно принадлежало молодому